

*Анна Цветкова  
(Калининград)*

## ОБРАЗЫ СНОВИДЕНИЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ<sup>1</sup>

---

---

*Исследуется вопрос о глубинном познавательном единстве символических форм культуры и символов «пророческих» сновидений. В этом плане, в частности, обосновывается введение подобных объектов в объектную сферу современной когнитивной лингвистики, дается определение пророческих сновидений, указывается место данного вопроса в культурной традиции. Отмечаются три основные характеристики, сближающие символические формы культуры и символы сновидений: характер образности, семантика конкретных образов, единые механизмы символизации.*

*Ключевые слова:* символ, семантика, семиотика, сновидения, образ, когнитивная лингвистика, культура, метафора, метонимия, прагматика, паронимазия, механизмы символизации.



**В** настоящее время междисциплинарные связи науки о языке расширяются: она вводит в свое обращение категориальные и терминологические аппараты смежных гуманитарных дисциплин и на этой основе решает новые, необычные для нее задачи. Изменился и дисциплинарный статус лингвистики: вследствие внимания к познавательной сфере человека она обрела особую объяснительную силу и стала заявлять о своей способности проливать свет на глубинные аспекты в устройстве и функциональных свойствах не только языка, но и объектов иной знаковой природы. Наконец, ос-

---

© Цветкова А., 2013

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».



новой интерес лингвистики в настоящее время составляет человек, причем в языке видится функциональное проявление его познавательной деятельности, а сама познавательная деятельность определяется как аргумент языка [1, с. 58–59; 6; 7, с. 206–223].

К числу новых объектов лингвистики можно отнести «пророческие» сновидения. Это такие сновидения, в которых человеку открываются события непрогнозируемого будущего или нечто такое, что им непосредственно не воспринимается или не осознается.

Такое понимание пророческих сновидений имеет чрезвычайно давнюю традицию. В одном из египетских памятников говорится: «Бог создал сновидение, чтобы указать путь спящему, глаза которого во мраке» [3, с. 40]. Подобное отношение к пророческим сновидениям было характерно и для Античности. Так, согласно свидетельствам Артемидора из Далдиса и Плутарха, Александру Македонскому, который осадил в 322 году до н. э. город Тир и никак не мог взять его, приснился танцующий сатир. Находившийся при войске толкователь снов Аристандр разложил слово «сатир» на *σα* 'твой' и *Τίρος* 'Тир' и пообещал Александру победу над городом. Под влиянием этого толкования Александр продолжил осаду и в конце концов взял город. «Толкование, которое выглядит достаточно искусственным, — заключил З. Фрейд, — было, несомненно, правильным» [10, с. 150]. Современные примеры «пророческих» сновидений свидетельствуют о продолжении этой традиции.

(1) Перед смертью мужа, за несколько дней до этого (с четверга на пятницу), я вижу сон, что смотрюсь в зеркало, а там я в черном платье. Совсем черное, прямо траурное. За спиной стоит муж и говорит: «Как оно тебе идет!» А через несколько дней он неожиданно умер от сердца. Никто не думал.

(2) Это давно было. Мне было лет тринадцать — маленькая была. На старый Новый год я попросила бабушку погадать. Бабушка сказала: «Из спичек сложи «колодец» возле постели. Что тебе приснится — расскажешь». И приснился мне длинный стол, за ним мужчины, много мужчин. Я их лиц не запомнила, только лицо того мужчины, который сидел в конце стола напротив меня. Он и стал моим мужем. Сон был очень яркий, я его до сих пор помню. Мужчина напротив меня был с кружкой, а сейчас он попивает...

Существует несколько подходов к раскрытию семантики сновидений подобного рода. Первый и наиболее древний — символический, сложившийся независимо друг от друга в древних цивилизациях



(Египет, Греция, Ближний Восток, Вавилон, Индия и др.). Исходная установка в этом случае такова: в снах одно знаменуется через другое [11, с. 78]. Поэтому чтобы понять такие сновидения, нужно должным образом интерпретировать их образы, которые в данных условиях обретают характер символов. При этом считалось, что определенные содержания в пророческих сновидениях представляются примерно одними и теми же образами. И наоборот: конкретные образы сновидений достаточно постоянны в своей семантике. Знаменуя собой хорошие или плохие события будущего, образы такого рода всегда обозначают примерно одно и то же. Эта идеология легла в основу давней традиции создания сонников — справочных каталогов образов сновидений, в которых дается их интерпретация. Первый такой сонник был создан, по-видимому, в период XVI — XI веков до н. э. в Египте.

Традиция толкования сновидений на основе подобных справочников продолжается и в настоящее время. При этом основания толкований обычно не указываются: просто сообщается, что такой-то сон предвещает то-то. Так, согласно соннику Миллера, *пчела* — положительный образ, обещающий удачу во всех делах, а *укус пчелы* означает оскорбление, нанесенное кем-то из друзей; *быть связанным веревками* — к безрассудной влюбленности; *башня* означает внутреннее стремление человека многого добиться в жизни [8].

Однако основания семантики пророческих сновидений могут быть выявлены при опоре на современную когнитивно-языковую теорию и теорию символа, причем реализация этой задачи указывается как весьма актуальная также для культурной антропологии [5, с. 34].

С этой точки зрения образы пророческих сновидений обнаруживают заметное сходство с символическими формами культуры. Определяются несколько параметров, сближающих те и другие. Прежде всего это единство присущей им образности как таковой. И в культуре, и в сновидениях часто фигурируют одни и те же образные начала. Однако в этих условиях действует следующее правило: символические формы культуры задают инвариант того или иного образа, а в сновидениях представляются его конкретные варианты либо своеобразные «контекстные расширения». Например, как символ культуры *паук* имеет амбивалентную семантику, достаточно прозрачную с точки зрения мотивации. С одной стороны, он означает творческую деятельность, профессионально-ремесленные навыки, трудолюбие, благоприятные предзнаменования (ср. в связи с этим запрет убивать пауков), мудрость, с другой — холодную жестокость (ср.



высасывание крови, дьяволичность как реализацию символических значений паука в христианстве), жадность, злобность, колдовские способности [9]. Как образ сновидения *паук* также фигурирует, но в его семантике, согласно словарю Миллера, наблюдается сужение, а сам символ вписывается в дополнительные образные контексты: *видеть паука* означает вознаграждение за внимательное и добросовестное отношение к работе (общие признаки – «работа», «труд»); *паук неожиданно укусил* – следует опасаться предательства (общие признаки – «злобность», «негативное влияние»).

Один из важнейших символических образов культуры – вода. Это образ первоначала, исходного состояния всего сущего, эквивалент первобытного хаоса. Отсюда «погружаться в воду» означает вернуться к исходному состоянию – тому, из которого всё начинает свое бытие. Не случайно в философии христианства при обряде крещения вода смывает с человека тяготеющий над ним первородный грех и содействует «новому рождению» [4, с. 43]. Конкретизация этого образа, дополнение его новыми семантическими характеристиками наблюдается в сновидениях. Ср.:

(3) Еще один постоянный пророческий сон у меня – погружаться в воду во сне. Но важно, в какую воду погружаться. Если в мутную – это к плохому, к болезни. А если вода чистая, бегущая, журчащая – это хорошо, все будет чудесно.

(4) Если снится мутная, грязная вода – это к болезни, неприятности. Или зависть, происки недругов будут. Чистая вода – это хорошо.

В примере (3) символический образ воды играет роль идейного «фона», относительно которого определяются далее новые содержательные характеристики. В частности, принципиально значима в этом случае оппозиция «чистый – мутный», которая, в свою очередь, коррелирует с такими семантическими парами, как «светлый – темный», «чистый – грязный», а в итоге – «хороший – плохой». Конкретным осуществлением «плохого» в данном случае выступает болезнь, а «хорошее» не конкретизируется.

Еще большей конкретизации подвергается семантика «мутной воды» в примере (4), причем в этом случае мутность прямо связывается с семантикой грязного, а «плохое» определяется в более широкой перспективе: помимо болезней, это неприятности, зависть и происки недругов.



Исходя из всего этого определяется вторая черта, сближающая образы сновидений с символическими формами культуры. Это близость семантики тех и других, реализующаяся как связь на основе модели «вариант — инвариант». Но если символические формы культуры в своей семантике ориентированы на глубоко философское осмысление мира, то символические образы сновидений субъективно значимы для человека и проясняют его личное отношение к существу. Весьма редки случаи, когда образы сновидений ведут к пониманию мироустройства. Ср.:

(5) И в это время мне приснился незабываемый сон, который меня одновременно и испугал, и ободрил. Ночью я оказался в незнакомом месте и медленно шел вперед, в густом тумане, навстречу сильному, почти ураганному ветру. Я нес в руках маленький огонек, который в любую минуту мог потухнуть. И все зависело от того, удержу ли я его при жизни. Вдруг я почувствовал, что кто-то идет за мной. Я оглянулся и увидел огромную черную фигуру, она следовала за мной по пятам. И в тот же момент, несмотря на сильный испуг, я ясно осознал, что вопреки всем опасностям, через ночь и бурю, я должен пронести и спасти мой маленький огонек. Проснувшись, я тотчас понял, что этот «броккенский призрак» — моя собственная тень на облаке, вызванная светом того огонька. Еще я понял, что этот огонек, единственный свет, которым я обладаю, и был моим сознанием. И это было мое единственное сокровище. И хоть этот огонь так мал и слаб в сравнении с силами тьмы, все же это — свет, мой единственный свет [12, с. 94 — 95].

В обычных же случаях образы сновидений связываются с наиболее важными обстоятельствами человеческой жизни, причем они подвергаются самой общей семантической интерпретации — оценочной. В подавляющем большинстве они оцениваются отрицательно. Сновидения как бы заранее готовят человека к трудностям, которые ему предстоит пережить. Это может быть смерть близких, болезнь самого субъекта сновидения или его родных, предстоящие жизненные неудачи или трудности и т.п. В самом общем плане семантика таких снов определяется так: «к неприятности». Ср.:

(6) Можно довольно точно сказать, что змеи мне снятся к неприятности.

(7) Если во сне падаю — это к неприятности. К мелкой, большой — неважно.

(8) Этот сон был связан с моей рязанской подругой — ее Ириной зовут. Вижу я во сне, что мы идем с ней по дороге. А дорога эта выглядит



так, как будто это свежий асфальт или как будто она горела, — такая она черная, обуглившаяся. Даже ноги к ней прилипают. Идем мы мимо какого-то дома, где идут похороны. А хоронят кого-то знакомого. Мы говорим друг другу: «Мы туда не пойдем». И не пошли, прошли мимо.

Я проснулась с ощущением беды, звоню маме в Рязань: «Как там Ирина?»

Мама отвечает: «Как будто бы нормально».

Прошло где-то недели две. Звонит мне мама и говорит, что у Ирины случилась беда.

А произошло вот что. У этой Ирины в большой бутылки из-под минеральной воды стоял дома спирт — для технических надобностей или еще для чего. Сын вечером пришел с дискотеки и по ошибке налил этот спирт в чайник вместо воды. Поставил на газ кипятиться, а сам куда-то вышел. Этот спирт на плите и взорвался, начался пожар. Муж обгорел очень сильно и в больнице умер. Ира тоже пострадала — были ожоги, и ноги все порезала, пока по битому стеклу бегала. И когда мужа хоронили, Ира была в больнице и на похоронах не была. Вот и получилось, что ни она, ни я на похороны не попали.

В первом примере значим образ змеи, отвечающий семантике соответствующего культурного символа. В ней на первый план выводится негативная роль змеи, связанная с опасностью, которую представляют ее ядовитые укусы [4, с. 97]. Значение же образа змеи в сновидении обуславливается предельным расширением идеи опасности, присущей общекультурному символу змеи, — ограниченностью ее признаком «неприятность». Во втором примере образ падения практически полностью соответствует в своей семантике общекультурному представлению о падении, связанному с оппозицией «верх — низ». В третьем примере образ черной дороги коррелирует с общекультурным представлением о пути / дороге. В самом общем плане путь / дорога выступает метафорическим репрезентантом человеческой жизни — ср. такие показательные языковые конструкции, как рус. *жизненный путь*, *трудовой путь*, *он прошел долгий и трудный путь учителя* (о профессиональной жизни), *идти по жизни* и т.п. Значим в данном сновидении и черный цвет дороги, ее «обгорелость», метонимически ассоциируемая с огнем.

Реже сны раскрывают человеку благоприятные события его будущей жизни — неожиданные приобретения, разрешения проблем, проявления удачи и т.д. Такие сны в самом общем плане определяются как «сны к добру». Ср.:

(9) У меня есть «постоянные сны» к хорошему и плохому. Если мне снятся плывущие по воде камни, это к неприятности. Если мне снится, что мой письменный стол горит, это означает, что ближайшие дни у меня будут особенно продуктивными.



(10) Ой, к хорошему тоже бывает. К хорошему мне бывает, знаете... Вот говорят, цветы там собирать или, допустим... ну, какие-то ягоды или что-то... То это, мол, бывает к слезам у людей. У меня нет. Я когда собираю, у меня всегда какая-то прибыль. Мне всегда... или откуда-то денежку получу, или невзначай мне кто-нибудь что-нибудь подкинет вот так вот, чего я не ждала и не хотела. Я когда просыпаюсь, и думаю: вот я видела во сне, что вот вроде бы я там рвала чего-то или в корзинку собирала или что-то такое... Бывает даже иногда — вот знаете? Думаешь: да лето, там, на даче копаешься... Но нет! Проходит какое-то время, и — о! — удивляешься: ну, спасибо, хорошо...

В примере (9) фигурируют общекультурные символы воды и камня, но общая оценочная семантика этого сновидения, скорее всего, обусловлена их контекстным взаимодействием. Представленная в образе камня идея прочности, надежности в данном случае оказывается зависимой от первоначальной аморфности, неопределенности, причем доминирующим оказывается второе начало. Огонь, напротив, имеет в данном случае положительную символику — ср.: «Чаще всего огонь рассматривается как мужская субстанция (в противоположность воде как субстанции женской) и как символ жизненной энергии, сердца, оплодотворяющей силы, просветления» [4, с. 185]. Эта идеология поддерживается и русской языковой формулой *У него все так и горит в руках*. Ср.:

(11) Если снится огонь — в любом виде, либо костер, либо камин, либо горящая свеча, либо пожар... Обязательно будет успех. Успех в любом деле. Это у меня так. Но я знаю многих людей, которые рассказывают, что накануне какого-то события, о котором люди очень переживают... вот. Если снится этот сон, то событие разрешается очень благополучно.

В примере (10) культурная символика ослаблена, но можно с уверенностью предположить, что в данном случае релевантным оказывается собственно образ сбора, метонимически представляющий идею обретения, приумножения.

Говоря о чертах, сближающих символические формы культуры и образы сновидений, необходимо отметить, наконец, общие для них механизмы символизации. По отношению к культурным символам определяется четыре таких механизма — метафорический, метонимический, прагматические расширения, параномазийный [2, с. 221 — 229]. Эти же механизмы работают и в плане символики



сновидений (подробно об этом см. [3]). Так, существуют сновидения, представляющие необходимые содержания на основе метафоры. Ср.:

(12) Если снится, что расчесываешь волосы, что-то делаешь с волосами, это у меня всегда дальняя дорога. Какой-то внезапный отъезд, куда-то нужно ехать... Вот накануне мне снится, что я либо племяннице расчесываю волосы, либо сама вижу себя с длинными волосами. Такое всегда... То есть совпадение абсолютное, стопроцентное.

Существуют сновидения, символика которых проистекает из метонимических сдвигов. Некая образная данность в них имплицитно определяет содержание, определяющиеся по смежности. Ср.:

(13) Личный опыт: если снятся живые люди, пришедшие вместе с мертвыми, и они молчат в беседе, то это к смерти этих людей. Однозначно!

(14) Буквально в ночь на годовщину смерти сына один мой знакомый видел его во сне. Сын звал его с собой, и во сне этот знакомый пошел с ним — об этом наутро он сам рассказал своей сестре. Годовщину отметили, а в эту же ночь этот мужчина умер — утром не проснулся. Лет пять назад произошло это.

Как и в культурной сфере, существуют сновидения, символика которых сложилась на основе прагматических (культурно-ассоциативных) расширений семантики образа. Ср.:

(15) Перед смертью мужа, за несколько дней до этого (с четверга на пятницу) я вижу сон, что смотрюсь в зеркало, а там я в черном платье. Со всем черное, прямо траурное. За спиной стоит муж и говорит: «Как оно тебе идет!» А через несколько дней он неожиданно умер от сердца. Никто не думал.

Наконец, символы сновидений, как и символические формы культуры, могут иметь параномазийную природу, то есть возникать на основе звуковой близости наименования соответствующих концептов. Так, в следующем примере фонетически сближаются слова *сдоба* и *добро*, и значение сновидения определяется семантикой второго слова.

(16) У меня так: если я вижу мучное, печеное, и оно такое пышное, аппетитное, от него запах вкусный идет, а я его беру, откусываю... Это точно к добру. Но я об этом, кажется, где-то читала, и теперь во сне это знание проявляется.





Вместе с тем сновидения могут содержать символические образы, не подпадающие ни под один из отмеченных типов. Возможно, однако, что реализовавшиеся в них познавательные механизмы имеют комплексный характер или обусловлены индивидуально-психологическими особенностями человека. Ср.:

(17) У меня всегда в семье будут какие-то страшные неприятности, или скандалы, или выяснение каких-то отношений, если мне снятся какие-то эротические сны. С молодости и до сих пор! Если я вижу какого-нибудь обнаженного мужчину, и он вроде бы ко мне... — бывает, абсолютно даже не своего, вот такое вот, что кто-то, чего-то, и вдруг вот этот... Как только вот мужчина, и что-то я у него вот такое вот увидела, — это непременно я уже хожу на взводе, жду скандала. И сон сбывается!

(18) Если мне снится голый человек (в основном женщина), я обязательно заболею. И это всегда.

Таким образом, можно уверенно заключить, что символы пророческих сновидений и символические формы культуры близки друг другу по ряду параметров. В глубинном плане они едины, а различия обуславливаются их отношением к разным сферам человеческой ментальности и разному кодовому воплощению. Это, в свою очередь, доказывает, что они близки друг другу и в плане познавательной природы, восходят к одним и тем же когнитивным основаниям.

### Список литературы

1. *Берестнев Г.И.* Рецензия: Е. С. Кубрякова. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004 // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2005. Т. 64, №1.
2. *Берестнев Г.И.* Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
3. *Берестнев Г.И.* Сновидения как когнитивно-языковая проблема // Non multum, sed multa. Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии : сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. М., 2010.
4. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
5. *Иванов Вяч. Вс.* Symbolarium. Предложения к словарю символов // Антропология культуры. Вып. 1. М., 2002.
6. *Кубрякова Е. С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53, №2.
7. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
8. *Миллер Г. Х.* Сонник. URL: <http://www.sunhome.ru/dreams/21> (дата обращения: 15.02.13).



9. Топоров В. Н. Паук // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
11. Экзегетика снов: европейские хроники сновидений. М., 2002.
12. Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев, 1994.

*Anna Tsvetkova*

## THE IMAGES OF DREAMS AND SYMBOLIC FORMS OF CULTURE

*This article addresses the issue of the underlying cognitive unity of the symbolic forms of culture and the symbols of "prophetic" dreams. In this connection, the author justifies, in particular, the introduction of similar objects in the object area of modern cognitive linguistics, gives a definition of prophetic dreams, and identifies the position of this issue in the cultural tradition. The article identifies three basic characteristics that bring together the symbolic forms of culture and the symbols of dreams: the nature of imagery, the semantics of certain images, and the common mechanisms of symbolisation.*

**Key words:** *symbol, semantics, semiotics, dreams, image, cognitive linguistics, culture, metaphor, metonymy, pragmatics, paronomasia.*

ИКОНА



Праздники — «светящиеся точки вечности» — имеют ключевое значение для структурирования времени человеческой жизни. Праздник является «собственно временем», в противоположность времени «пустому», которое рождается в наполнении его определенной деятельностью.

*Мария Коннова*

Из ста двадцати с лишним произведений Василия Шукшина можно насчитать не более десятка тех, в которых встречаются беглые упоминания об иконах, занимающих положенное им место в домах персонажей. Этот факт может быть объясним не только идеологическими запретами и давлением цензуры, но и принципами художественной изобразительности, которые являются основополагающими в шукшинских рассказах.

*Наталья Жилина*

Значение «родового греха» гениально предчувствовал и прозрел Достоевский в «Братьях Карамазовых». Поведение героев, описанное в романе, — наглядный пример того, как передается «вирус» греховности от отца к его сыновьям, не исключая даже религиозного Алешу.

*Екатерина Лескова*